Глава 26

- Лорд Монфорд, потрудитесь объяснить, что это? – ничто в его милости не давало понять то, какие чувства его сейчас обуревают. Лик короля был светел и доброжелателен. Однако Гансер знал, что сюзерен пребывает если не в бешенстве, то в крайней степени неудовольствия.

- Яблоко, мой король? – посмотрев на лежащий перед ним, на столе фрукт, с недоумением ответил Веларион. Он совершенно не замечал нависшей над ним угрозы.

- Нет, лорд Веларион, это - доказательство вашей некомпетентности. Или здесь имеет место быть прямое предательство? – король взял яблоко в руку и с силой кинул его в стену. Ошметки фрукта разлетелись на половину кабинета. Гансер испытал небольшое разочарование, он бы с большим удовольствием запустил яблоко в самого Велариона.

Лорд Дрифтмарка, видя происходящее, начал что-то понимать, бледнея на глазах.

- Видите, лорд Монфорд, оно гнилое. А знаете, что это за яблоко? – уже более сурово, без легкой улыбки, заговорил его милость.

- Не имею понятия, ваше величество, - ответил Веларион, хотя Гансер видел, что он уже практически обо всем догадался.

- Это маленькая часть тех припасов, что вы закупили в Чаячьем Городе. Лорд Ардриан и лорд Дюрам доверили мне свое золото, которое я доверил вам, считая вас тем, на кого можно опереться, тем, кому можно доверить такую несложную вещь, как закупка припасов. Но вы не просто облажались, Веларион, вы еще и подставили меня. Еда, которую вы привезли, оказалась гнилой. Она совершенно не пригодна в пищу. Благодарите богов, что я догадался проверить это гнилье. И им никто не успел отравиться. Что вы можете сказать в свое оправдание?

- Я-а-а… простите меня, ваше величество! Я был слишком доверчив. Мерзкий торгаш провел меня! Даю слово, ваше величество, я все исправлю, - оправдывался бледный, словно труп, Веларион.

- Сдается мне, вы не до конца откровенны со мной, лорд Монфорд, - король пронзил хозяина Дрифтмарка очень внимательным взглядом. Гансер поймал себя на мысли, что, если бы его милость так посмотрел на него, он бы, наверное, тоже сильно забеспокоился.

Веларион же держался, на удивление, достойно. Смотрел прямо, не отводил взгляд, хотя и было видно, что ему очень не по себе. Неожиданно его милость опустил голову, издал тяжелый вздох и стал тереть двумя пальцами переносицу.

- Скажите, лорд Монфорд, неужели эта несчастная сотня золотых была вам так нужна, что вы решили обратиться к этому мутному типу? – удрученно спросил король. Гансер несколько растерялся, не совсем понимая, о чем пошла речь. Однако он решил промолчать, не вмешиваясь в диалог между его милостью и Велариoном. – Ладно, ладно в том, что вы сэкономили, ничего предосудительного нет. Если бы вы привезли нормальное продовольствие, я бы вам и слова ни сказал. Но вы из-за своей мелочной жадности мало того, что купили откроенное гнилье, так еще и не проверили свою покупку. И почему?! Почему?! Вам, видите ли, было лень отрываться своего плавучего борделя! Ладно, допустим, член завладел вашим разумом, и перестать трахать этих проклятых лисенийских шлюх вы не могли! Но почему, бл*дь, вы не могли приказать кому-нибудь провести проверку этих проклятых припасов. Имеющееся продовольствие кончится через три недели. И то, при условии того, что солдатам и

матросам будут выдаваться урезанные пайки. Значит так, лорд Монфорд, в наказание за начали подданых, я налагаю на вас штраф в размере той суммы, что вы заплатили за гнилой товар. Покупка следующей партии продовольствия также пойдет за ваш счет.

Тот факт, что король за несколько секунд узнал то, что Веларион старался оставить при себе, хоть и немного удивил Сангласса, но совсем не поразил. В конце концов, его милость - воскрешенным пророком Семерых, вполне естественно, что боги наделили его способностью видеть людскую суть.

- Это… справедливо, ваше величество, - выдавил из себя Веларион, безуспешно пытаясь скрыть свое облегчение. Видимо, он, как и сам Гансер, подумал, что его милость решит его к казнить.

- Я рад, лорд Монфорд, что вы правильно оцениваете ситуацию. Советую вам собираться, вы тотчас же отплываете в Пентос. Мелькать в Чаячьем Городе второй раз будет неразумно. Очень надеюсь, что на этот раз вы подойдете к своей миссии более ответственно. Можете быть свободны. Хотя нет, постойте! Чуть не забыл, как зовут того торговца, который продал вам гнилье?

- Аратий Гиртус из Браавоса, ваше величество.

- Отлично. Вы еще здесь, лорд Монфорд? – недовольно произнес король, глядя на замешкавшегося в дверях Велариона. Тот напоследок неуклюже поклонился и вышел из кабинета, бережно прикрыв за собой дверь. Стоило Велариону скрыться за дверью, как король перестал казаться холодным и сердитым изваянием. Черты несколько лица смягчились. Гансеру даже показалось, что его милость очень устал. – Лорд Гансер, вы должны сплавать вместе с лордом Монфордом и проследить, чтобы на этот раз не произошло подобной… подобных накладок.

- Но… Но… Ваша милость, а как же рекруты?! Кто будет заниматься их подготовкой?! – не на шутку забеспокоился Сангласс.

- Увы, но кроме вас некому проконтролировать лорда Велариона. Лорд Дюрам слишком молод и неопытен, лорд Ардриан слишком стар, кем-то менее знатным лорд Монфорд легко может пренебречь. Возможно, будь у нас больше времени, я бы рискнул отправить с лордом Монфордом кого-нибудь из сыновей лорда Ардриана. Помимо прочих вещей, я уверен, что вы, лорд Гансер, сделаете все от вас зависящее, чтобы привезти сюда качественные припасы. А подготовкой рекрутов в ваше отсутствие займется сир Гаст, он достаточно компетентен для этой задачи.

- Есть ли у вас какие-то особые приказы для меня, ваша милость? – уже более спокойно спросил Гансер, настроившись на более деловой лад.

- Только совет. Возьмите с собой побольше солдат.

***

Выйдя из небольшой залы, которую король на время превратил в свой кабинет, Гансер быстрым шагом направился в свои покои. Только что у него появилась куча очень срочных дел. Несмотря на это настроение у лорда Святой Бухты было приподнятым.

Не часто можно наблюдать унижение давнего недруга и его милость оказал ему высокое

доверие. К тому же, песочного цвета стены замка Селтигаров в свете клонящегося к закату солнца сам по себе настраивал на позитив.

Каким-то странным путем его мысли вернулись к тому роковому дню в замковой септе, когда все семеро богов явили себя Гансеру. Если бы нашелся кто-то, кто спросил у него, что он чувствовал в тот момент, он бы вряд ли смог ответить на этот вопрос даже самому себе. Как это вообще можно описать? Восторг и смятение, растерянность и интерес, непонимание и страх и много что еще, чему нет названия в людском языке.

- Мы пришли сюда, чтобы говорить с тобой, а не слушать твои молитвы. Встань! - пробасил Кузнец после того, как Гансер упал перед Семерыми на колени. Повинуясь одному из воплощений, Сагласс тут же вскочил обратно, на ноги. Однако его разум был все еще в ступоре, он не представлял, что ему делать дальше и что говорить.

- Эх, как же с вами, людьми сложно, - горестно вздохнула Старица. Фонарь, который она держала в руке, в тот же миг засветился, словно солнце посреди неба, свободного от облаков. Этот свет заполонил все вокруг, окрашивая септу в тепло-желтые тона. Удивительно, но он не резал глаза, не заставлял щуриться. Наоборот, он был очень приятен. И не только глазу. В груди у Гансера будто поселился маленький, согревающий душу очаг. В один миг ушла все смущение нерешительность и страх. Голова заработала, мысли стали ясными, вода из горного родника.

- Я не знаю, что сказать вам, Семеро. Обо мне вы знаете все. Заверять вас в почтении, наверное, тоже будет лишним. Скажу лишь, что очень рад вас видеть в своем замке.

- Так-то лучше. А то, двух слов связать не мог! – отозвался Кузнец. На его лице появилась широкая, белозубая улыбка.

- Тебя мучает совершенно естественный вопрос, почему мы явились тебе, Гансер Сангласс, - не спрашивал, но утверждал Отец, - простой рассказ вышел бы очень долгим, и ты, вряд ли, понял нас, поэтому мы покажем!

Совершенно неожиданно окружающее пространство поменялось. Изсепты Гансер попал… Больше всего это место напоминало небо с облаками, на одном из которых он сейчас и стоял. И было оно просто невероятно пушистым и мягким.

Рядом с ним, на соседних облаках расположились Семеро. Удивительно, но несмотря на произошедшее, Сангласс не испытывал никакого особенного удивления, только жгучий интерес. Вверху и внизу были только лениво плывущие в разные стороны облака и само синее небо.

- Смотри, Гансер Сангласс, смотри внимательно! – неожиданно раздался пугающий нечеловеческий голос. С ним заговорил сам Неведомый. Он поднял свою руку, указывая куда-то вверх. Повернувшись туда, куда указывал один из богов, Гансер самым настоящим образом оторопел и чуть было не бросился бежать. Стальное спокойствие в один миг сломалось. К нему очень быстро приближались кроны высоких сосен, он падал на них сверху!

Благо, Гансер успел заметить, что на самом деле никуда не падает. Кусочек неба, находящийся прямо перед ним превратился в окно в сосновый лес, он будто смотрел чьими-то главами. Он даже чувствовал запах хвои. Протянув вперед руку, Сангласс почувствовал лишь пустоту. Пальцы совершенно свободно прошли через «окно» будто там ничего. В растерянности Гансер оглянулся на Семерых.

- Ты должен лишь смотреть, мальчик, – тепло и ободряюще улыбнулась ему Мать.

«Окно» тем временем спустилось на землю, покрытую засохшими сосновыми иголками и шишками, и продолжило двигаться по хвойному лесу. И движение это было настолько быстрым, что Гансера даже немного замутило. Появилось желание отвести взгляд, но опасение, что он может пропустить что-то важное, намертво приковали его глаза к «окну».

Через несколько секунд оно совершенно неожиданно остановилось, в первый момент Сангласс даже не понял, в чем дело, однако чуть погодя заметил рогатое животное с копытами. Оно довольно сильно напоминало оленя, но совершенно точно им не являлось. Морда была слишком сильно вытянута, а рога были крупнее и имели более грубую форму.

Животное, секунду назад мирно бредущее куда-то, подняло голову, навострило уши и принялось беспокойно оглядываться. Гансер уж было подумал, что зверь обратил внимание на него или на того, чьими глазами он смотрит, но тут в бок неправильного оленя прилетело копье, воткнувшись по самый наконечник.

«Окно» повернулось в ту сторону, откуда прилетело копье. Гансер увидел группу мужчин, одетых в какие-то шкуры. Все они были изрядно бородатыми и, похоже, не знали даже, что такое бритье. У каждого из них в руках были копья, наконечники которых показались Сангласу какими-то странными. Присмотревшись, он понял, что они сделаны из заостренной кости.

Гансер слышал о том, что Одичалые за Стеной не умеют работать с железом, поэтом все оружие у них сделано либо из камня, либо из кости. Примитивное оружие, шкуры, это явно Одичалые. Зачем Семеро показывают ему Одичалых?

Охотники сначала осторожно, а потом, практически не скрываясь, подошли к животному, которое издавало жалобные стоны на весь лес. Один из мужчин достал из-за пояса что-то острое, судя по всему, кинжал, склонился над неправильным оленем и воткнул ему в глаз грубо заточенный камень, прекращая его мучения.

Дальше все происходящее за «окном» превратилось в быстро сменяющийся калейдоскоп, будто кто-то ускорил время. Странно, но Гансер не терялся в этом потоке, а видел все и осознавал довольно отчетливо.

Он видел, как радующиеся охотники отнесли добычу в деревню, которая вполне соответствовала этим диким мужчинам. Маленькие хижины с соломенными крышами, дети, играющие в грязи и некрасивые, усталые женщины, ковыряющиеся в близлежащем поле.

В какой-то момент все еще больше ускорилось. Перед глазами Гансера проносились годы, десятилетия и даже столетия, сотни тысяч, миллионы человеческих жизней. Вот деревенька разрастается, как минимум, раза в два, вокруг нее появляется частокол, домов становится больше, появляется больше разнообразия. Появляются строения, непохожие на других. Большие, более богатые, обрабатываемая земля тоже увеличивается. Каким-то неведомым образом Гансер очень отчетливо понимает, сколько времени проходит.

Минуло полтора столетия, деревенька стала небольшим городом. По размерам, но никак не по наполнению. Все те же дома с соломенными крышами, не такие убогие, как раньше, но все же. Каменных построек нет и в помине. Эти люди додумались до обжига глины, находящейся на берегу близлежащей реки. Затем последовал еще один прорыв, они додумались до того, что руду, выход которой расположен рядом все с той же рекой, тоже можно попытаться покорить с помощью огня.

То, что у них получалось, нельзя было назвать даже самым хреновым железом, больше походя на медь, но было оно в несколько раз прочнее камня и кости. Копья, ножи и сохи очень быстро стали медными. Появились украшения с какими-то примитивными узорами из того же материала.

Спустя сорок лет на поселение напали другие люди, пришедшие откуда-то с севера. Их было три сотни, что, как уже успел заметить Гансер, было больше, чем в два раза больше, нежели воинов в племени, за которым он наблюдал. Однако все они были вооружены каменными копьями, и выглядели еще более примитивно, чем предки жителей деревни, когда он их впервые увидел.

Состоялась битва, при виде которой Гансеру захотелось побиться головой о что-нибудь твердое. Да какая там битва?! Драка одной толпы против другой! Защитники даже не попытались укрыться за частоколом и закидать чем-нибудь нападавших. Вместо этого они вышли в чистое поле и приняли неравный бой, в котором, как это ни странно, победили, обратив врагов в бегство.

С тех пор начался период войны между двумя племенами, длившийся пару десятков лет. Закончилось все тем, что «подопечные» Гансера победили, поработив проигравших. В один момент население деревни увеличилось больше, чем в два раза. Новоприбывшие были, в основном, женщинами и детьми, поэтому с их контролем у новоиспеченных рабовладельцев не было практически никаких проблем.

С этого момента многое изменилось. Теперь рабы занимались самой тяжелой работой, а у хозяев появилось больше свободного времени. В течение следующей тысячи лет огороженная частоколом деревня превратилась в настоящий город. Лежащая в паре милькилометров речушка оказалась полностью поглощена им, раскинувшимся по обоим ее берегам. Произошли десятки крупных и сотни мелких воин. Рабов становилось все больше и больше.

Примитивное общество, которое видел Гансер, превратилось во что-то, напоминающее то, что происходит в городах Залива Работорговцев. Могущественные семьи, являющиеся потомками тех, кто изначально жил на этой земле. Прочие люди, живущие здесь уже достаточно долго и имеющие статус свободных граждан. И рабы, захваченные в недавних воинах невольники, их дети и чужаки, купленные на многочисленных невольничьих рынках. Облик города и также поменялся. Большие каменные стены, каменные дома, храмы, дворцы и глиняные постройки на окраинах.

Люди уже давно перестали быть заросшими и грязными варварами. Знатные горожане регулярно моются, умащиваю свое тело ароматными маслами и одеваются, в основном, в разнообразные вариации туник. Чем богаче и родовитее человек, тем дороже и ярче ткань этих самых туник.

Ремесленное мастерство также очень сильно выросло. Вместо одиночек, которые, зачастую, были в свое деревне единственными представителями той или иной профессии, появились целые мастерские, обеспечивающие город почти всем необходимым. Однако было множество товаров, которые привозились из далеких стран. Река, по берегам которой устроился город, была достаточно широка и, судя по всему, впадала в море. По этой реке в город приходили самые разные, порой довольно экзотические суда, как раз, и привозившие всякую экзотику. Специи, красители, экзотические фрукты, сладости, драгоценные поделки иноземных мастеров и многое другое.

Несмотря на все внешнее великолепие, Гансеру не слишком нравилось происходящее в этом

городе. Потрясающая жестокость и презрение к человеческой жизни, со всей отчетливостью выражающееся в отношении к рабам. Хоть его и нельзя при всем желании назвать особенно чутким и жалостливым по отношению черни, но даже ему такое скотское отношение сильно претило.

К тому же, благородные семьи не были честны и добродетельны между собой. Они не упускали случая оскорбить, опозорить, разорить или даже убить не только членов другого семейства, но и своих ближайших родственников. Высшее общество этого города было настоящей ямой с самыми ядовитыми змеями, которые только есть на свете.

Минуло еще полторы тысячи лет. Как ни странно, но каких-то особенных изменений Гансер не заметил. Да, город стал еще в несколько раз больше, по размерам приближаясь к Королевской Гавани. Одни благородные семьи частично заменили других. Рабы начали превращаться в свободных граждан, а свободные граждане по своим правам не сильно отличались от рабов. Над городом витала отчетливый дух безнадежности и гниения.

Если раньше, несмотря на всю жестокость и аморальность, жизнь здесь буквально кипела, люди были намного энергичнее. Богачи с головой окунались в интриги и борьбу за власть, простые люди отчаянно рвались наверх. Те, кто победнее записывались в легионеры, а имевшие какой-никакой достаток бросались в торговлю, либо прогорая, либо наживая баснословные состояния. Даже рабы изо всех сил стремились стать вольноотпущенниками.

Сейчас же, спустя более,чем полторы тысячи лет, никто ни к чему не стремился. Власть прочно захватили четыре самых богатых рода, подмявших под себя все, что только можно. Все, даже самые незначительные посты передаются по наследству. Подняться и разбогатеть стало практически невозможно, но даже не в этом самый большой ужас. Жизнь обычных, «свободных» граждан даже хуже того, как раньше жили рабы на больших латифундиях. Стражу в городе несли не сами граждане, а наемники-чужеземцы с белыми и рыжими бородами. После нескольких крупных восстаний, вызванных голодом и нищетой, к которым подчас присоединялись и стражники, охрану города и патрулирование улиц взяли на себя наемники, получающие золото напрямую от благородных господ.

Но вот, в один миг очень многое поменялось. К городу подошла довольно значительная армия и, несмотря на внушительные стены и неплохой парк осадных машин, в осаде он не продержался и семи дней. Было все и стены, и оружие, и провизия, не было самого главного – защитников. Граждане города не хотели брать в руки оружие и воевать за своих властителей, даже если дело касалось врага, стоящего у ворот. Наемники же просто открыли ворота захватчиками, они были их родичами, поэтому ничего удивительного в этом не было.

Город подвергся тотальному разграблению, властители и все сколь-либо значимые люди были преданы мечу, захватчики же осели на этом месте. С этого момента начала новая эпоха. Хоть пришедшие чужаки и не были полными дикарями, но в культурном развитии от жителей города серьезно отставали. Им была чужда философия, математика, о сущем естестве они даже не задумывались, списывая все на мистику и своих богов. Искусство их было довольно примитивно, да и общество их само по себе не сильно отличалось от того, что было у здешних хозяев две тысячи лет тому назад.

Теперь городом управляли варвары, их вождь провозгласил себя императором, своих дружинников назвал легатами и патрициями, а местные жители опустились до уровня рабов. Однако, надо сказать, что новый порядок для подавляющего числа бывших граждан города стал более благоприятным, чем раньше, и они даже не подумали роптать против новых хозяев. Во-первых, можно очень жестоко поплатиться, а, во-вторых, просто незачем. При старых

властителях рядовой гильдейский ткач или кузнец обязан был отдавать больше двух третей всего заработанного, что ввергало его в нищету. Новые же хозяева установили дань в треть от заработка. К тому же, он теперь не являлся прикрепленным к мануфактуре рабом.

Уцелели, как ни странно, и септоны. Что сыграло очень весомую роль через пару поколений. Захватчиков было очень мало на фоне коренных жителей города, и постепенно они начали перенимать культуру и религию покоренного народа.

В течении просмотра следующих двенадцати веков Гансер уже не был столь отстранен, все происходящее трогало его гораздо сильнее. Сильнейшее чувство узнавания не покидало его ни на секунду. Поначалу город пришел в сильнейший упадок, множество жителей покинуло его из-за того, что их работа уже не могла прокормить их. Этот процесс шел в течение трех веков, за которые город опустел на четыре пятых. Многие площади заросли и превратились в пастбища для скота и многочисленные огороды. Из роскошного дворца, на содержание которого просто не было ресурсов, император вместе со своим двором и дружиной переехал в городской арсенал, ставший замком. Несколько раз город брали в осаду похожие на захвативших его ранее варвары, но император крепко держался за свое место, отбивая всех желающих поживиться, как они думали, бесхозным добром.

Сколько раз сами новые хозяева отправлялись на войну, Гансер даже не считал. Однако все когда-нибудь заканчивается, закончился упадок, и начался медленный взлет. Большая часть площади старого города превратилась в покинутые руины, а жилая часть сосредоточилась около замка императора и резиденции верховного септона. С какого-то момента двор императора стал до боли напоминать двор короля Вестероса. Те же гербы, рыцари, турниры, те же своевольные вассалы, которых приходилось периодически усмирять. В город вновь стали стекаться люди, и он снова начал расти, приобретая немного другую конфигурацию, чем раньше. Если до этого правила бал красота, монументальность и ослепляющая роскошь, то теперь все это ушло в угоду оборонительным сооружениям, узким улочкам, значительно усложняющим жизнь нападавшим. Город так и не перестал регулярно оказываться в осадах, пару раз его даже брали и безжалостно грабили.

Гансер не слишком понимал, почему идет такая жестокая борьба, после того, во что он превратился, этот город уже не представляет такой уж большой ценности. Может, он стоит на каком-то важном торговом маршруте?

Шли столетия, город постепенно разрастался, возвращая себе былое значение и богатство. Начался новый расцвет ремесел и искусств. Вот только не обошлось и без негативных сторон. Как же без них? Город буквально утопал в грязи, старая канализация была заброшена и практически не использовалась. Жители выливали помои прямо из окон, маленькие улочки, по факту, являющиеся узкими проходами между домами, просто утопали в воняющих нечистотах. На главных улицах ситуация была лучше только за счет их большей площади. А так, вероятность напороться на чьё-нибудь говно была неприятно высока.

Вторым негативным фактором, что очень неприятно поразило Гансера, была церковь. Септоны этого города были проводниками самого черного и агрессивного невежества. Они с фанатичным упорством отрицали все, хотя бы косвенно, но противоречащее «Семиконечной Звезде». Сжигали на кострах ученых, которые занимались настоящим познанием окружающего мира. Да и не только ученых, даже просто тех, кого подозревали в ереси или колдовстве. Как заметил Гансер, настоящих колдунов и еретиков, попавших на костер, было очень мало, обычно туда попадали те, кто чем-нибудь не вписались в предельно жесткие церковные догматы.

Гансер в непонимании даже оторвался от «окна», чтобы взглянуть на Семерых. Просмотренные сцены зародили в нем целую тучу сомнений.

- Смотри. Когда все кончится, мы ответим на все вопросы, что терзают тебя. Нет смысла прерываться на полпути, - на этот раз с ним заговорила Дева, чарующе улыбаясь ему. Гансер быстро кивнул и тут же отвернулся, чтобы скрыть смущение. Это был скорее рефлекс, так как он понимал, что скрыть что-то от богов вряд ли сумеет.

Обратив взгляд обратно, к «окну», Сангласс подумал о том, что местность, где расположен город, скорее всего, находится где-то очень сильно на юге. Зимы там были очень похожи на теплую осень, да и то длились всего пару-тройку лет, когда лето длилось по шесть-семь лет.

С некоторым удивлением Гансер отметил, что при всей грязи, неграмотности и бескультурии ремесла очень значительно превосходят то, что было до прихода варваров. Вместо бронзы и дрянного железа сталь, механика стала занимать намного больше места в жизни жителей города. Невероятно тонкое и искусное устройство, очень точно отмеряющее время, было практически хоть сколько-нибудь состоятельных дворян. Ювелиры стали изготавливать намного более тонкие и изящные украшения. Обыденные рыцарские доспехи превратились в настоящие шедевры, которые, как думал Гансер, могли позволить себе не каждые грандлорды. Ребрящаяся высококачественная сталь на кирасах надежно приковывала его взгляд, заставляя потирать ладони от зависти. Появились привычные для него каменщики, занимающиеся возведением замков и усадеб знати в самом городе. Архитектура и, соответственно, математика вновь начали поднимать голову.

Церковь стала постепенно разлагаться изнутри, место верховного септона все чаще стали занимать сластолюбцы и пьяницы. А порой и настоящие мужеложцы, предпочитающие молоденьких мальчиков. Наблюдать за таким положением дел было по-настоящему больно. Клир города следовал в этом фарватере чуть меньше, чем полностью. Самый черный разврат, оргии, корысть, често и властолюбие поглотили септонов города. Церковная среда стала очень неприятно напоминать благородные семьи более, чем двухтысячелетней давности.

Двор Императора как-то плавно и незаметно слился с окружением верховного септона, образовав странное сочетание власти светской и власти духовной. Лорды и рыцари начали получать духовные саны, становясь кардиналами и епископами*. Это, как понятно, не делало их благочестивее, скорее наоборот.

В какой-то момент Гансер заметил, что у всего этого есть, как ни странно, и положительная сторона. Искусство вновь проникать в жизнь людей. Скульптуры, подражающие тем, что ваялись тысячелетия назад, картины (рисунки красками на холсте), музыка. Появились даже энтузиасты, отыгрывающие заранее написанные истории в старых, полуразрушенных амфитеатрах.

Практически прекратились гонения на ученых. Церковные иерархи уже практически ничем не отличались от светской знати, с удовольствием покупая и устанавливая в своих резиденциях творения скульпторов и художников. Также они с вполне свободно посещали набирающие популярность представления.

Грамотных и интересующихся различными науками среди знати становилось все больше. Вновь на свет вышли сочинения древних авторов, чьи труды веками пылились в септах, становясь объектами интереса редких септонов. Интерес к древности проснулся и захлестнул людей с невиданной силой.

Древние науки начали вспоминаться. Появлялось все больше поместий и дворцов, которые на новый лад, но, все же, подражали древней архитектуре. В новой, нарождающейся литературе стали поминать старых, языческих богов. Это считалось модным, и отзывалось теплом в сердцах людей. Гансер же находил подобное лицемерие очень странным. Он прекрасно видел, что, несмотря на весь церковный разврат, происходящий, к тому же, за закрытыми дверями, вера в людях не слишком и ослабла. Так почему же искренне верующим в Семерых так нравятся ложные боги, в которых они даже не верят?

В какой-то момент на глаза Гансеру попалась еще одна важная составляющая жизни Города. Разбогатевшие цеховые старосты, поднявшиеся из низов стали заниматься ростовщичеством, чтобы заработать еще денег и получить больше влияния. Конкуренция в этой среде была просто страшная. Фактически между банкирами-ростовщиками, говоря проще, торгашами разразилась настоящая война. Бандитские налеты на поместья конкурентов, подкупленные слуги, подсыпающие своим хозяевам яд, убийства ценных работников и мастеров. В какой-то момент все зашло настолько далеко, что император был вынужден вмешаться и прекратить эту кровавую вакханалию. Разбираться особо никто не стал, в этой среде любой был в чем-то да замешан. Мастер над законом просто повесил глав всех банкирских домов и казнил каждого десятого их слугу. После этого убийства хоть и не прекратились полностью, но их количество очень сильно снизилось, конфликты потеряли былую остроту.

Появились некие «университеты». Заведения своей сутью очень смахивающие на Цитадель Мейстеров. Только их было больше одного, и они отнюдь не были отгорожены от остального мира. Да и не давали их выпускники никаких клятв служения. Просвещение стало проникать не только в среду знати, но и людям, которые не могли похвастаться поколениями доблестных предков. В основном, это касалось богатых банкирских домов и наиболее состоятельных их слуг.

Следующие два века пронеслись со скоростью молодого дорнийского* скакуна. События понеслись каким-то диким галопом, за которым Гансер подчас не слишком поспевал.

Как на дрожжах, росли прекрасные дворцы с изящной и прекрасной отделкой. Наряды знати становились все богаче и, как ни странно, приятнее глазу. Хотя и были, на взгляд Гансера, немного странноватыми. Ремесло начало прогрессировать просто с бешеной скоростью. Зеркала была теперь практически у каждого, уважающего себя дворянина. Да что там! В некоторых дворцах имелись свои «зеркальные залы», где стены потолок были полностью выложены зеркалами. И их чистота была просто невероятной.

То же самое можно сказать и про стекла, только в самых бедных и убогих домах Города в окна была вставлена слюда, вместо чистого, как слеза младенца, стекла. По улицам во множестве шастали запряженные лошадями экипажи, «кареты». Одни были невзрачными, другие пестрыми. Были личные экипажи, принадлежащие кому-то одному, а были, так называемые, «общественные». Купцы, владеющие несколькими каретами и лошадьми, брали на работу кучеров и заставляли их разъезжать по определенным маршрутам в поисках тех, кто будет не прочь прокатиться из одного конца Города в другой. Таких желающих оказывалось достаточно много. Одни, не имея возможности содержать личный экипаж, тем не менее, хотели поднять свой престиж среди соседей и коллег. Другим просто было проще ехать несколько километров в комфорте, вместо того, чтобы идти пешком.

Гансер с неудовольствием отметил, что как-то уж слишком много торгашей в Городе развелось. Они были буквально повсюду. От совсем мелких лавочников до владельцев настоящих торговых королей, возящих сюда товары из далеких стран и отправляющих отсюда целые флоты-караваны, нагруженные тем, что производят многочисленные фабрики Города.

Надо сказать, Город просто неимоверно разросся, превзойдя свои прошлые размеры времен самого расцвета Древности. Изрядное количество, чуть ли не половину занимали мануфактуры и фабрики. Сотни тысяч согнанных с земли крестьян нашли пристанище в Городе, устроившись работать на промышленных предприятиях за еду. Причем за очень паршивую еду. Гансеру было очень неприятно видеть, как люди, голодая, и вынуждены работать до изнеможения. Да еще живут в каких-то убогих комнатах на самих фабриках по несколько десятков человек в одном помещении. Формально они не были рабами, но бытие их было даже хуже рабского. Нормальный рабовладелец хотя бы кормит своего раба и заботится о том, чтобы он не сдох. На этих фабриках же люди дохнут, как мухи, и на место одного погибшего тут же встает другой.

Такую грязь и нищету, в которой живут эти рабочие, Гансер еще никогда не видел. И все это рядом с потрясающим воображение богатством. Он не знал, куда все идет, но что-то подсказывало ему, что впереди Город не ждет ничего хорошего. Судя по тому, что многие дворяне и рыцари вынуждены были идти на службу императору в качестве обычных наемников, земель лишались не только крестьяне. Если же обратить внимание на то, что лорды, у которых осталось прежнее положение и достаток, резко разбогатели и стали просто фантастически расточительными, именно они разорили и прибрали к рукам владения обедневших дворян.

Два раза «окно» перемещалось за сотни километров от города, показывая Гансеру битвы. В первый раз он увидел, как бьются на суше, во второй морское сражение. Надо сказать, он очень сильно удивился, если не сказать грубее. Ровное поле, поросшее клевером и другими луговыми травами. На нем сошлись две армии.

Первые время Гансер не слишком понимал, что происходит. Битва была уж очень для него непривычной. Благо, соображает он хорошо, да и видел уже в действии эти огненные трубки у стражников Города.

Огромные и потрясающе ровные шеренги солдат с огненными трубками, «мушкетами» по команде палили в другую армию, представляющую из себя, ровно, то же самое. Гансер был довольно опытным полководцем, поэтому у него кое-как получилось определить на глаз, сколько людей участвует в этой битве. Получалось, что больше ста тысяч с обеих сторон.

Вид того, как две вражеские шеренги стоят друг против друга, по команде вскидывая свои мушкеты, поливая врага смертельным дождем, смирно ожидая, пока враг перезарядит свои огненные палки и, оставаясь на месте, пока первые ряды буквально выкашивает, заставил Сангласса зауважать этих солдат. Хоть и не было героической рыцарской конницы, опрокидывающей вражеские порядки и собачьих свалок, где все решала честная сталь, но это была настоящая битва, где люди проявляли ничуть не меньше героизма и силы духа. Да, все было совсем не так, но суть от этого совсем не поменялась.

Ведь нужно быть очень храбрым, чтобы не побежать, а остаться в строю и сражаться после того, как товарищей, марширующих рядом, выкосило градом свинцовых шариков и пролетевшим по передним рядам, оставляя кровавый след, железным ядром.

Постоянный грохот, дым, звуки флейт и барабанов и свист летящего на огромной скорости железа стали настоящим лейтмотивом этой битвы. Гансер не успел досмотреть происходящее до конца, как «окно» снова перенеслось. В этот раз он видел спокойную морскую гладь и две колонны кораблей, сходящихся друг с другом. Судя по тому, что Семеро показали ему ранее, можно не сомневаться в намечающемся боевом столкновении.

Так как Город стоял на, хотя и большой, но все же реке, по-настоящему крупные суда не заходили в его порт. И, видя махины с бортами под десяток метров высотой и с мачтами раза в три длиннее, Гансер понял это весьма отчетливо. Эти корабли значительно превосходили даже знаменитых «лебедей» с Летних Островов.

Когда дистанция между передовыми судами колонн значительно сократилась, борта каждого из них неожиданно обзавелись огромным количество, стоящих в ряд окошек, из которых наружу смотрели бронзовые дула пушек. После просмотренного сухопутного сражения Гансер уже знал, что это такое и для чего предназначено.

Весьма скоро последовал оглушительный грохот, звук которого неплохо разнесся по спокойной воде, и дым, довольно быстро развеявшийся из-за легкого, но, все же, имевшего место быть, морского ветра.

Далее Гансер наблюдал за тем, как враждебные эскадры обмениваются чугунными ядрами, повреждая борта и такелаж друг друга. От попаданий во все стороны летели щепки, раня и убивая матросов. Продолжалось это несколько часов, пока одна из эскадр не отвернула в сторону и поплелась в родной порт, зализывать раны. Никакого абордажа, тарана или чего-то подобного, на что подспудно надеялся Сангласс, не случилось.

«Окно» вернулось на свое законное место, в Город, и он продолжил наблюдать за его жизнью. Из-за идущей войны император повысил налоги на все сословия, что очень пагубно отразилось на самых небогатых горожанах. Не нищих на рабочих, ибо стать беднее и бесправнее они не могли, уже находясь на самом дне. А именно на тех, у кого имелся кое-какой достаток. Это, как правило, были мелкими торговцами и теми, кто работал на торговых королей, но не надрывался на фабриках. Писари, счетоводы, посыльные и т.д.

Из-за налогов торговые короли начали повышать цены на свои товары и услуги. Так как практически все вокруг принадлежало им, люди были вынуждены покупать все, что только можно по завышенным ценам. Своим работникам, которые получали более или менее приличную зарплату жирные торгаши стали платить значительно меньше. Денег становилось меньше, цены становились выше, люди, составляющие вторую по численности после рабочих социальную группу, начали стремительно беднеть, по уровню благосостояния к этим самым рабочим.

Обстановка в Городе с каждым месяцем стала опасно накаляться. Расквартированные здесь полки состояли, в основном, из свеженабранных рекрутов, которым предстояло в скором времени идти воевать, а офицеры, происходящие из дворян, мало интересовались своими прямыми обязанностями, предпочитая просаживать деньги в кабаках, борделях, театрах и модных салонах. Казармы не были предназначены для приема большого количества солдат, из-за чего им приходилось жить в ужасной тесноте. Еда им доставалась не слишком хорошая. Интенданты просто безбожно воровали, продавая хорошие припасы и снаряжение налево, а солдаты получали все самое худшее. Низшие офицеры, занимающиеся подготовкой будущих защитников отечества, обращались с ними очень грубо. Били практически без повода, могли назначить два десятка за малейшее пререкание.

Война затягивалась, на нее уходило все больше денег. Император был вынужден занимать у банков, принадлежащих, в числе прочих, торговым королям. Они давали, и с радостью. Чем больше рос долг, тем больше торгаши увеличивали свое, и так немаленькое влияние на корону. Контракты с казной по каким-то абсолютно грабительским условиям. Рабочие, имевшие, хоть эфемерное, но законное право жаловаться на работодателей в императорский суд, этого права лишились. Раньше любое неповиновение торговые короли давили с помощью наемников,

теперь этим совершенно официально занималась армия, расстреливая рабочих посмевших требовать более достойной оплаты труда.

Дознатчики Тайной Канцелярии начали хватать людей на улице и в кабаках за «крамолу» и отправлять их на каторжные работы. Негативных настроений это нисколько не убавило, люди лишь перестали столь открыто выражать свое отношение к нынешней власти.

Еще через полтора года, полных тяжкого труда и лишений для большей части населения, в императорскую армию начали массово мобилизовывать мужчин Города. По большей части, это происходило помимо их воли. Устраивались целые облавы, во время которых сгребали всех попавшихся относительно пригодных представителей мужского пола, которых потом в кандалах препровождали на место службы.

Если до этого люди еще кое-как терпели, опасаясь за жизнь себя и своих близких, то такая «вербовка» переполнила чашу народного терпения. Мужчины понимали, что, если отправятся на войну, об их семьях никто не позаботится, и они будут голодать, если же их убьют, их близкие, скорее всего, будут влачить еще более жалкое существование, а то, и вовсе умрут с голода (в случае с рабочими). Женщины не хотели лишаться своих кормильцев по все тем же причинам.

Во время очередной облавы жители квартала, в котором она происходила, просто вышли на улицу и, не обращая внимание на предупредупреждение армейского патруля, просто смели этот самый патруль и жестоко растерзали солдат. Так как занимались «вербовкой» специальные гвардейские части, занимающиеся полицейскими, а чаще просто карательными операциями, ненависть простых людей к ним просто колоссальна.

Вскоре,у бунтующих появились лидеры, которые повели и их дальше. Этими лидерами оказались самые образованные и решительные. Было их всего трое, двое мужчин и одна женщина. По мере того, как толпа продвигалась к императорской резиденции (успевшей со времен упадка вновь стать дворцом, еще более величественным и прекрасным, чем в древности) к ним присоединялось все больше людей. Под конец бунт охватил большую часть жителей Города. Гвардия не смогла остановить людей даже, несмотря на наличие пушек. Людское море с какой-то пугающей легкостью поглощало все пущенные в него снаряды.

К тому же, из казарм восставшие по ходу освобождали все мобилизованные, которых еще не успели увезти из Города. Хоть они и не были полноценными солдатами, но у них было оружие и кое-какие навыки обращения с ним.

Толпа ворвалась в императорский дворец и в порыве невообразимого гнева растерзала практически всех его обитателей. От самого императора и его семьи до самых последних слуг-полотеров.

На несколько дней в Городе установилось полное безвластие. Под прикрытием восстания на свет выползли всякие разбойники, убийцы, воры и прочий бандитский люд. Богатые кварталы горели, кровь бывших хозяев жизни лилась рекой. Обозленный народ не щадил никого, ни мужчин, ни женщин, ни детей, ни стариков.

По прошествии шести дней лидеры восставших объявили о свержении тирании и о создании республики. Этими самыми лидерами, самыми авторитетными и почитаемыми мятежниками были те трое, которые вдохновили взбунтовавшихся соседей на свержение императора. Они образовали, так называемый, «триумвират» и начали править вместе.

Дальше все происходящее слилось для Гансера в несущийся поток, из которого с трудом

можно было вычленить отдельные, самые важные фрагменты. Он будто объял взглядом уже не просто, хоть и крупный, но единственный город, а целую страну, настоящую империю, по размеру превосходящую даже Семь Королевств.

Кровавое рождение молодой республики. Голод, незаконченная война, толпы дезертиров, казни дворян, несогласных новым порядком, гражданская война, подавление мятежных провинций, арест и казни бывших единомышленников, предавших прежние идеалы. Военный переворот, предательство республики молодыми генералами. Новый император и новые лорды. Все вроде бы возвращается на круги своя, но есть отчетливое знание, что, как раньше, уже не будет никогда.

Страна успокаивается, приходит конец голоду, дефициту и разгулу разбойников. Из грязи вновь поднимаются новые короли, вот только народ уже не настолько бесправен. Рабочие, спаянные в крепкие профессиональные союзы-гильдии, могут постоять за себя и требовать от работодателей достойных условий труда. Это касается как тех, кто льет сталь для корабельных колес, приводимых в движение устройством на пару, так и тех, кто трудится писарем в транспортной конторе.

Прошло еще одно столетие, Гансер отчетливо видел, что история повторяется. Торговые короли, бесправные и нищие рабочие, власть, которая откровенно потакает жадным торгашам. Все было не настолько ужасно, как перед событиями, которые назвали «Революцией». Рабочие находились не в таком бесправном положении и могли постоять за себя, власть не настолько замкнулась на себя, туда попадали люди из народа и делали неплохую политическую карьеру, однако общий процесс был одним и тем же. Большая война, развязанная из-за непомерных аппетитов торговых королей, вызванные этой самой войной лишения для простых людей и откровенно жирующие торгаши.

К тому же, за прошедшее столетие военное искусство и военные приспособления шагнули так далеко за довольно короткое время, как этого еще не случалось никогда до сих пор. Пушки, бьющие на десятки километров снарядами, способными уничтожить сотни солдат, скорострельные мушкеты. Появились аэростаты, огромные, вытянутые шары из ткани со свисающей вниз корзиной, способной сместить целую роту, но вместо этого туда грузят взрывающиеся алхимические смеси, которые сбрасывают на врага.

Гансер видел сотни километров облагороженных нор, в которых сидели десятки миллионов солдат и сражались с теми, кто сидел в других, вражеских норах, также простирающихся на сотни километров. Жестокие мясорубки, длившиеся по несколько месяцев, порождавшие сотни тысяч трупов. Ядовитые туманы, убивающие тех, кому не посчастливилось их вдохнуть.

Чуть позже появились обшитые железной броней самоходные кареты. На поле боя появились новые машины смерти, наконец переломившие ход войны. Не в силах что-либо с ними сделать солдаты одной из сторон гибли или же просто бежали, оставляя свои норы.

Увы, надежды Гансера на то, что этот ужас скоро закончится, не оправдались. Большие пушки смогли превратить смертоносные повозки в дымящийся железный хлам. Вскоре у врагов начали появляться маленькие пушки специально против этих колясок, и вся их эффективность полностью сошла на нет.

Надо сказать, Сангласс был просто в ужасе от всего происходящего, и все еще никак не мог понять, что же именно хотят ему сказать Семеро. Он уже наблюдал столько, что хватит, наверное, на несколько жизней. И вычленить из всего этого тот самый смысл.

Война продолжалась, людям в тылу становилось все хуже и хуже. Власти вновь пошли по проторенному пути, начав затыкать рты всем недовольным. Правда, делали это не так прямолинейно и грубо, с соблюдением формальных приличий. Но людям и так было все понятно. Антивоенные демонстрации, несмотря на запрет, проходили регулярно. Полиция просто была не в состоянии что-либо сделать с миллионами, которые постоянно собирались. А привлекать армию правительство откровенно опасалось. На фронте настроения были еще более радикальные, чем в тылу. К тому же, снимать с фронта лишние части было попросту нельзя, все и так держалось на честном слове.

Военное командование готовилось к решительному наступлению по всему фронту, которое по их прикидкам, должно, наконец, переломить ход войны. Когда оно началось, им действительно поначалу удавалось теснить, вражеские позиции, но стоило это очень больших потерь. Только в первую неделю погибло двести тысяч солдат. И чем дальше, тем больше потери увеличивались. Солдаты начали откровенно саботировать приказы. Если оборонять свои позиции они были еще готовы, то вот идти в атаку отказывались наотрез.

Вместе с солдатами бунтовали и низшие офицеры, и даже половина среднего командного звена. Попытки генералов сформировать пулеметные роты, которые бы стояли позади наступающих частей и расстреливали бы тех, кто отступает без приказа, не увенчались успехом. Не нашлось достаточного количества солдат, готовых стрелять в своих братьев по оружию.

Антивоенные настроения в тылу после провала наступления только усилились, люди, пока робко, но предпринимали попытки взять штурмом здание правительства и навязать консулу свою волю. Несмотря на то, что власть буквально утекала из пальцев правительства, оно твердо стояло на своем, не желая даже говорить о заключении мира.

Три резервные армии, которые понесли потери в первые дни наступления, и были отведены в тыл для переформирования и пополнения, взбунтовались и пошли на столицу. Это для правительства и высшего армейского командования это стало очень большой неожиданностью, они ничего не успели сделать, только сбежать. Столица была взята, после некоторой сумятицы восставшие генералы вручили власть одной из оппозиционных политических партий.

Идеи этой партии на взгляд Гансеры были уж слишком безумными. Он и торгашей не слишком одобрял, считая, что они получили власть только потому, что лорды разленились и из гордых воинов превратились в жирных свиней. А тут какие-то спятившие безумцы кричат о том, что власть должна принадлежать самому настоящему быдлу, которое не должно становится нормальными людьми. И кто это говорит?! Потомки обедневших дворян! Воистину безумный век, безумные времена!

Дальше продолжили повторяться события столетней давности. Мучительное становление нового общества, страшная гражданская война при незаконченной внешней войне. Благо, у врагов ситуация была не сильно лучше. Три десятилетия Народная Республика успокаивалась и вставала на колею нового пути. Гансер, с самого начала настроенный весьма скептически, спустя два десятка лет начал осознавать, что идеи «безумных» людей не такие уж и безумные.

Благодаря всеобщему доступу ко всем ступеням образования за короткое время в стране появилось очень много гениальных ученых и просто умных людей. Сократился рабочий день, и повысились зарплаты, давая рабочим время и возможность на саморазвитие. А налаженное управление большей частью предприятий из единого центра помогло наиболее разумно распределять имеющиеся ресурсы.

Грянула еще одна, была она в несколько раз страшнее предыдущей. Тысячи железных драконов, способных, собравшись вместе, заполонить небо и стирать за один налет целые города, Десятки тысяч более совершенных и быстрых самоходных повозок. Солдаты, идущие в атаку вместе с этими машинами. Про различные вариации пушек и говорить не стоит.

Жестокие, бесчеловечные поступки, совершаемые одной из сторон. Целые рвы, заполненные изуродованными трупами детей и женщин. Специальные замки, в которых людей методично и четко уничтожали с помощью летучего яда. Гансер в свое время воевал, и ему приходилось видеть разоренные деревни. Однако это не было так жестоко, так изуверски. К тому же, уж точно не в таких количествах.

Он так до конца и не понял причины такого ужаса. Было там что-то про идеи о чистых и нечистых расах. К счастью, эти жестокие звери проиграли, республика одержала верх, потеряв пятую часть всего населения треть территорий, обращенных в руины. Всего десяток лет потребовался, чтобы восстановить разрушенные города и предприятия.

Гансер воочию наблюдал небывалую… хм, «синергию» людей, которые сообща идут к общей цели – всеобщему процветанию. И это у них получалось! Он только и успел краем глаза зацепить устремляющиеся к небу постройки и чудодейственные зелья, которые давали простым смертным прожить чуть ли не два столетия, когда «окно» исчезло.

Излишне погрузившись в видения, Сангласс минуту стоял и смотрел на проплывающие рядом розоватые облака.

- Понял ли ты, Гансер Сангласс, что мы хотели тебе передать? – раздался позади пугающий, шипящий голос, выводя лорда Святой Бухты из своеобразной дремоты. К собственному удивлению, Гансер вовсе не испугался, а сердце не выпрыгнуло из груди, когда он впервые услышал голос Неведомого. Сильнейшее эмоциональное опустошение опустилось на него, словно после многочасового сражения в первых рядах, на грани жизни и смерти. Такое с ним уже бывало, и ему есть с чем сравнивать.

- Я… у меня… вы показали мне очень многое, у меня нет верного ответа, только многочисленные догадки, - устало ответил он, с некоторым трудом подбирая слова.

- Чего и следовало ожидать, надеяться на то, что ты поймешь все без разжевывания, было слишком наивно, не так ли, Мать? – Гансер уже повернулся, поэтому видел недовольно поджатые губы Старицы перед произнесением весьма желчных слов. Ему действительно стало стыдно на свою глупость, однако он ничего не мог с собой поделать. Мысли разбегались сумасшедшими табунами, не давая какого-либо внятного ответа.

- Не стоит требовать от мальчика большего, чем он может дать! Не его вина в том, что он такой! – горячо отозвалась Мать, вступая со Старицей в перебранку, защищая Гансера. Вот только ему от такой «защиты» стало откровенно не по себе. Возникло ощущение, что он вновь вернулся во времена сопливого детства, словно сир Фарринг дрючит его за плохо начищенный меч.

- МОЛЧАТЬ!!! – прозвучал громогласный возглас Отца, одновременно с этим рядом сверкнула ветвистая молния, и раздался уже настоящий гром. Сердце Гансера мгновенно ушло в пятки, не удержавшись на ногах, он рухнул спиной на мягкое облако. Спустя несколько секунд Отец вновь заговорил уже спокойно. – Прекратите ссориться на пустом месте. Даже не начинай, Мать. Мне ведомо, чего ты еще не сказала. А ты, Старица, брось эти привычки. Иной раз меня посещают сомнения. Кажется, будто ты воплощение не мудрости, а ученой заносчивости.

Сангласс быстро пришел в себя, валяться на спине перед богами было ужасно стыдно, поэтому он быстро встал на четвереньки, а потом быстро вскочил обратно, на ноги. Семеро же, казалось, позабыли о нем. Старица и Мать переводили недовольные взгляды на Отца и друг на друга, Отец наоборот смотрел на них крайне жестко и холодно. Дева, Воин и Кузнец с интересом наблюдали за затеявшими ссору богинями и тем, кто пытается их урезонить. Неведомому же, словно, все равно. Понять что-либо по его закутанной и источающей мрак фигуре было попросту не в силах Гансера.

- Вы продолжайте, ребята, а я пока объясню нашему гостю, что почем, - вступил в разговор Кузнец и, не дожидаясь ответа, одним мощным движением запрыгнул на облако к Гансеру.

- Что ж, это будет лучше всего, Кузнец. Всем нам незачем здесь находиться, тебя одного будет вполне достаточно, - произнес Отец, что-то, как показалось Гансеру, прочитав на лице Кузнеца. Не прошло и пары секунд, как боги начали один за другим исчезать. Остался лишь Воин, присоединившийся к Кузнецу, прыгнувшему на облако Гансера.

- Один ты не справишься, брат, - ответил Воин на вопросительный взгляд Кузнеца. Тот, молча, кивнул и перевел взгляд на Гансера.

- Готов спорить, у тебя сейчас башка готова взорваться. Как ты вообще? В состоянии внимать новым откровениям или мне немного подождать, пока придешь в себя? – обратился к Сангласу Кузнец, положив руку ему на плечо. Как ни странно, но простая, незамысловатая манера речи покровителя ремесла успокаивала Гансера даже больше, чем заботливый голос Матери.

- Не надо ждать, сир, я готов, - ответил Сангласс, наконец, определившись с тем, как обращаться к богам. Хоть он был далеко не в порядке, но ему было очень неудобно, что с ним носятся, словно с нежной леди.

- Вот ладушки, - улыбнувшись, произнес Кузнец, а потом неожиданно толкнул Гансера. К собственному удивлению, он не упал, а плюхнулся в весьма удобное кресло, состоящее из уплотнившегося на месте его задницы облака. Напротив него покровитель ремесла опустился на точно такое же удобное уплотнение. – Значит, слушай внимательно. Мы показали тебе очень малую часть, только самые важные вещи, без которых объяснять что-то словами было бы бесполезно. То, что ты видел, это то, что по нашей задумке должны были пройти наши дети в течение четырех тысяч лет, с тех пор, как мы привели вас в Вестерос. Мы показали тебе далеко не все, но смотреть дальше тебе было совсем не нужно…

- Что ты юлишь, Кузнец? Опять переобщался с Девой? Слушая сюда, парень, когда мы брали над твоим народом покровительство, мы ожидали вполне конкретный результат. За четыре тысячи лет вы должны были уже тысячу раз слетать на Луну и обратно! А что же мы видим в итоге?! Вы, блядь, застыли на середине дикого феодализма, и никуда не двигаетесь! – перебив Кузнеца, резко вступил в разговор Воин. По какой-то причине он был очень зол, источая вокруг себя пугающую, красную дымку, от которой просто несло ненавистью ко всему живому.

- Да уйди ты! Я не с тобой толкую, Воин, дай мне закончить!

К удивлению Гансера, Воин не стал дальше препираться, а послушно отошел в сторону. Это немного не вязалось с тем образом, что рисовала Семиконечная Звезда и церковный канон. Да и короткий промежуток времени, покуда Гансер лицезрел покровителя воинов «вживую», полностью подтвердил каноничный образ Воина. Грубый, резкий, яростный и скорый на расправу. По идее, он должен был немедленно вступить с Кузнецом в перепалку. Или Кузнец

главнее Воина?

- На чем я остановился? – продолжил Кузнец, обращаясь к Гансеру. – Ах да, я же еще толком не начала. – Видишь ли, мир, который ты знаешь, он далеко не единственный. Я толкую отнюдь не про Пекло или наши чертоги, где ты… хе-хе… имеешь честь просиживать задницу, - покровитель ремесла раскинул руки, будто бы обнимая все вокруг, - я говорю про мир смертных. Семь Королевств, Эссос – вот это вот все. Существуют множество тварных миров, и в большинстве из них есть люди. По правде говоря, люди почти везде, и их просто до**я. И есть вполне определённые ступени развития, через которые проходят человеческие общества. Это обусловлено в первую очередь вашим естеством и природой тварных миров. Естественно, между смертными, живущими даже в пределах одного мира, отличий, хоть жопой жуй, но суть, хребет у всех одинаковый. Мы и показали в самых доступных для тебя образах, как происходит развитие смертных, как оно ДОЛЖНО происходит и, что тоже немаловажно, в какие сроки. Что же происходит в Вестеросе и Эссосе? Самый настоящий застой, парень. По каким-то неведомым для нас причинам не происходит никакого развития, минули уже тысячелетия, и мы больше не можем просто так ждать. Мы послали в этот мир своего избранного. Он должен привести перековать мироустройство, починить его, и ты, парень, должен помочь нашему избраннику исполнить нашу волю. Хм, вижу, тебя прямо распирает. Так уж и быть, давай сюда свои вопросы.

У Гансера и вправду вертелись на языке сотни вопросов, вот только он не знал, какой из них важнее, а также испытывал серьезные затруднения с их формулировкой. С минуту он судорожно выбирал, но, в конце концов, из его уст вырвалось то, чего Сангласс от себя никак не ожидал.

***

Я аж стиснул зубы от досады. У меня, конечно, не было никаких сомнений, что Станнис попробует подгадить мне с высадкой десанта, но мне даже в голову не могло прийти, что он отправит в Ловербэй всю свою дружину. Не удивлюсь, если Баратеон, сам же все это предприятие и возглавил.

Что ж, надо отдать противнику должное, удивил. Честно говоря, не думал, что он пойдет на такой риск. В случае успеха он истребит всю мою куцую сухопутную армию, но морской блокады это никак не снимет. К тому же, всегда остается вариант с эссосскими наемниками. В случае же неудачи Баратеон рискует потерять все, в том числе собственную жизнь, говорить, что после этого Драконий Камень упадет ко мне в руки.

Хм, а наших-то откровенно теснят. Сангласс неплохо справляется, не дает солдатам удариться в бегство, обеспечивает своевременный отвод уставших и раненых взад и замену их на свежих бойцов. Но тенденция просматривается очень нехорошая, ветераны Станниса грозят просто сбросить моих солдат в море. И это несмотря на полное доминирование наших стрелков, которые полностью подавили лучников Баратеона и поливают стрелами задние ряды панцирной пехоты, там, где нет опасения, задеть своих.

Что же придется мне лично вмешаться. Поддержав снаходящимся рядом Веларионом короткий, чисто дежурный разговор, оставляю его командовать дальнейшей высадкой. Благо, ситуация уже такова, что кардинально что-то испортить, это надо сильно постараться.

Сам же, как следует, разбегаюсь, прыгаю с палубы «Гордости Дрифтмарка», применяю на себя Воздушный Толчок. Пролетев, таким образом, несколько десятков метров, приземляюсь на

мелководье, чуть позади уже высадившихся солдат.

При приземлении я произвел такой шум, что обернулись все, кто непосредственно не бился с врагом. Машу окружающим руками, чтобы не обращали на меня внимание и продолжали выполнять свои задачи. Мой посыл дошел до офицеров, те довольно быстро восстановили порядок.

Берег находился на возвышенности, предоставляя мне замечательную возможность для обозрения самой битвы, идущей меньше, чем в полусотне метров. С минуту высчитываю в голове необходимую последовательность для нужных плетений, а затем выполняю вертикальный прыжок, напитав тело маной. Метра на четыре я взлетел точно, однако этого было недостаточно. Формирую себе под ноги слабенький Воздушный Толчок, который подкидывает меня еще метров на семь. Взлетев на нужную высоту, активирую еще один идентичный конструкт, только себе за спину, пролетаю некоторое расстояние по горизонтальной траектории, в процессе накидывая на себя Воздушный Щит, чтобы приземление вышло мягким.

Оказавшись прямо над передними рядами врагов, позволяю, наконец, ввергнуть себя в свободное падение. Когда между мной и землей остается два с половиной метра, а до падения какие-то жалкие доли секунды активирую направленный вниз Воздушный Кулак, раскидывающий пехотинцев Баратеона и расчищающий мне «аэродром» для посадки.

Ноги тяжело приземлились на влажный песок, оставляя на нем солидный отпечаток. Не теряю времени, пока окружающие ошеломлены, с силой втыкаю массивный меч в валяющегося рядом вражеского солдата. Валирийская сталь протыкает кирасу с кольчугой, будто это обычная ткань. Целил я в сердце, так что умер он мгновенно.

- Бей гадов! Пламя и Кровь! – ору во всю глотку, используя усиливающее звук плетение, чтобы меня точно услышали. Одновременно с этим направляя назад, в направлении своих солдат заряженную кровавым азартом и энтузиазмом эмпатическую волну.

За десяток секунд, пока до моих солдат в полной мере дошел посыл, я успел умертвить еще троих оглушенных гвардейцев Баратеона и одним ударом снести головы двоим врагам, попытавшимся пронзить меня на своими копьями.

Раздался по-настоящему громогласный, нечленораздельный рев, и в начинающую уже потихоньку затягиваться дыру во вражеском построении с бешеным напором ринулись мои солдаты. Гвардейцы Баратеона, надо отдать им должное, не смешались под таким напором, а продолжили с честью держать оборону. Я же махал мечом, как самый настоящий вентилятор, каждым взмахом срубая чьи-то конечности.

Мои действия были направлены на то, чтобы обеспечить перелом в нашу пользу. Я старался, как можно дальше оказаться от дружественного построения, зарываясь глубже во вражеский строй. Так мне намного удобнее, не надо опасаться задеть кого-то не того.

Срезаю очередному солдату верхнюю часть тела, от плеча до подмышки. Во все стороны хлещет, а я уже поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и отрубаю руку по локоть пытавшемуся огреть меня булавой рыцарю. Времени, чтобы добить, нет, меня окружили и теперь собираются насадить на копья. Неплохой план, он вполне мог увенчаться успехом, если бы не…

Они дают мне более, чем достаточно времени, чтобы выстроить в разуме нужные плетения. От меня во все стороны расходится кольцо синего огня, гонимое вперед воздушной волной,

состоящей из природного газа. Металл доспехов нагревается за считанные секунды, варя заживо тех, кому не посчастливилось оказаться рядом. Не говоря уже о том, как такой огонь действовал на открытые участки кожи. Запах паленого мяса, нечеловеческие крики заполнили все ближайшее пространство.

Я умышленно не делал это комбинированное заклинание особенно сильным, чтобы не задеть своих, поэтому под его действие попало меньше двух десятков солдат. Однако моральный эффект был намного сильнее физического, я прямо таки кожей ощутил суверенный ужас врагом, который они начали изливать на меня.

Если до этого они предпочитали прыгать на меня, словно безумные тараканы, стараясь, во что бы то ни стало, убить, то теперь они уже отнюдь не стремились скрестить со мной мечи. С каждым убитым мной солдатом в их эмоциях проступает отчаяние и обреченность. В их понимании я становлюсь не человеком, который вполне себе смертен, а неодолимым чудовищем. Они хорошие солдаты, готовые сражаться и умирать с людьми и от рук людей. Но что делать с тем, кого невозможно убить, и кто способен насылать убийственный огонь? Что-то такое у них мелькало.

Мои солдаты, кстати, вовсю пользовались сумятицей во вражеском стане, начав уже откровенно теснить противников. Что не добавляло им надежды на сколь-либо благополучный исход. И вот, когда я уже был готов к тому, что вражеские солдаты плюнут на все и побегут, словно крысы с тонущего корабля, откуда-то позади их строя раздался зычный приказ к отступлению, который подхватили остальные командиры. Появившееся в эмоциях практически всех воинов Баратеона было подобно тому, что испытывает приговоренный к казни человек, получив приказ о помиловании, находясь уже в петле. Как ни странно, но это придало им сил, они отступали, но делали это вполне организованно, огрызаясь, пуская кровь неосторожным врагам, которые по скудоумию сочли их легкой добычей.

- Назад! Всем стоять! – заорал я на своих солдат, увлекшихся боем и вознамерившимся преследовать врага. Как и в прошлый раз, я использовал магию, чтобы меня услышали. По идее, этот приказ должен был отдать Сагласс, который и командует десантом. Что с ним приключилось, замешкался, потерял управление или не сообразил?

Ладно, разборки могут подождать. Нужно быстро провести переформирование для городского боя.

http://tl.rulate.ru/book/23630/565909